В. М. Муханов

Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе

Муханов Вадим Михайлович, канд. ист. наук., ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН.
119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается ситуация в Закавказье, сложившаяся к лету 1920 г., после успешной и быстрой операции по советизации Азербайджана, а также деятельность в регионе Кавказского бюро РКП (б) во главе с Серго Орджоникидзе. В центре внимания — процесс принятия решения о советизации Армении и сопутствующие этому контакты с новой турецкой властью в лице Мустафы Кемаля. Акцентируются разногласия, существовавшие внутри советского руководства о выборе политической линии в отношении Армении, анализируются позиция и практическая деятельность Серго Орджоникидзе, сыгравшего ключевую роль в советизации Закавказья.*

***Ключевые слова:** Армения, Советская Россия, Азербайджан, Грузия, Турция, Орджоникидзе, Сталин.*

События на Кавказе после революции в России остаются предметом актуальных дискуссий, научных и политических.

Быстрая советизация Азербайджана в апреле—мае 1920 г. привела к головокружению от успехов у членов Кавбюро ЦК РКП (б), прежде всего таких персонажей, как Г. К. (Серго) Орджоникидзе и С. М. Кирова [подр. см.: 1, с. 221—307; 2, с. 172—176]. Они настойчиво просили разрешения Москвы начать операцию по захвату власти в Тифлисе. Орджоникидзе надеялся также на успех антиправительственного восстания, организованного в Грузии местными коммунистами, которые получали материальную поддержку от Кавбюро. Однако восстание было подавлено, десятки грузинских коммунистов оказались за решёткой. Тем не менее Орджоникидзе счёл необходимым, телеграфируя В. И. Ленину и Г. В. Чичерину, сообщить, что в Грузии «настроение всюду за нас, ждут прихода советских войск...»¹. Через несколько дней после вступления в Баку он в секретной телеграмме Ленину и Сталину (от 3 мая) писал: «События развиваются так, что не позже 15 надеемся быть в Тифлисе». На следующий день он повторил свой главный мессидж: «Вторично отвечаю: события развертываются так, что не позже двенадцатого надеемся быть в Тифлисе, для этого всё сделано. Пройдёт блестяще»².

В связи с широкомасштабными военными действиями против Польши и необходимостью держать значительную войсковую группировку против Врангеля в Крыму лидеры большевистской России полагали целесообразным приостановить наступательные действия на кавказском направлении и заключить мир, точнее говоря, перемирие с Грузией и Арменией. Тем более что желание оказалось взаимным, так как стремительная, почти мгновенная, советизация Азербайджана вызвала беспокойство в других закавказских столицах, особенно в Тифлисе. Страх перед большевиками был велик. Напуганный событиями в Азербайджане Ной Жордания от-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 15. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Д. 2. Л. 2.

правил в Москву своё доверенное лицо — Григория Уратадзе, члена Учредительного собрания Грузии и старого меньшевика, отлично знакомого со своими визави. Ему было поручено провести конфиденциальные переговоры на предмет заключения мирного договора. Жордания в своих воспоминаниях не скрывал цели переговоров: «Ясно было, что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались, не хотели её расчленения. Я решил начать переговоры с Москвой о признании, и если она нас признает, с этим векселем мы можем предстать перед ареопагом Европы и этим мы достигнем цели (международного признания Грузии — *В. М.*)» [3, с. 105].

В Москве идея заключения перемирия с Грузией также обсуждалась. В частности, об этом заявил И. В. Сталину 21 марта председатель РВСР Л. Д. Троцкий («желательно заключить сделку с Грузией, обещав ей полную неприкосновенность и нефть» [4, с. 119]). Сталин также считал необходимым для успеха Бакинской операции договориться с Тифлисом. «Грузины не опасны, если обещаем нейтралитет», — писал он в ответ Троцкому [4, с. 120].

Майские переговоры в Москве между Григорием Уратадзе и Л. М. Караханом, заместителем Чичерина, прошли быстро и успешно. Было очевидно, что на тот момент в мирном соглашении заинтересованы обе стороны. Грузии важно было уменьшить советскую угрозу и получить хоть какие-то гарантии Москвы о ненападении и фактическое признание своего независимого статуса. В свою очередь, большевистские лидеры продолжали ощущать неустойчивость своего режима и считали важным обеспечить себе надёжный тыл и передышку на Кавказе. Тем более что приоритетный вопрос — получение контроля над бакинской и грозненской нефтью — был решен. Армянский же и грузинский «вопросы» отложили до лучших времен.

5 мая Ленин и Сталин телеграфировали Орджоникидзе: «ЦК обязывает вас отвести части от пределов Грузии к границе и воздержаться от наступления на Грузию. После переговоров с Тифлисом ясно, что мир с Грузией не исключён»³. Это вызвало мгновенный эмоциональный ответ Орджоникидзе по телеграфу: «Само собой понятно, что все распоряжения ЦЕКА нами выполняются [с] точностью и, конечно, нет никакой надобности их повторять. Ни один красноармеец на территорию Грузии не вступал, ни один азербайджанский солдат на тер[риторию] Грузии не вступал. ... Меня поражает, каким образом вы верите лживым заявлениям Гегечкори. Повторяю, что [с] сегодняшнего дня ни один из наших красноармейцев не успел подойти к границам Грузии. Мы все считаем спасение погибающего Грузинского меньшевистского правительства непоправимой ошибкой, но нечего говорить, что все ваши распоряжения будут выполняться нами очень точно и непреклонно. Настроение в Грузии сейчас безусловно за нас, по станциям, районам считается Душетский уезд, Лагодехи, Абхазия и почти вся Кутаисская губерния. При подходе наших войск к границам восстание здесь неизбежно. Кроме того, наше отношение [к] Грузии произведёт самое отвратительное впечатление на мусульман, тем более, чтобы бывшее правительство Мусават готово было заключить с нами мир на каких угодно условиях. По-моему, если международная обстановка навязывает нам эту комедию, по крайней мере необходимо потребовать от них объявление Советской власти. Меньшевики на это пойдут, ибо другого выхода у них нет. Если [в] пограничных с нами частях начнётся восстание, как нам быть, поддерживать их или бросить на произвол судьбы. ... Всё будет исполнено, но либо имейте в виду, если вы с Арменией заключите мир, это будет нечто ужасным для мусульман. Не перейдём мы границ, но только оттягиваете мир. Получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне. У нас всё подготовлено: 9 перешли бы и 11, 12-го были бы в Тифлисе. Но ничего не поделаешь. Имейте в виду раз отданные распоряжения, вам нет надобности [повторять], я его выполняю, каковы бы не были мои взгляды...»⁴.

Центр был вынужден одёрнуть своих представителей в Баку, требуя неукоснительного исполнения распоряжений. Во время прямых переговоров по телеграфу 6 мая Сталин повторил Орджоникидзе позицию ЦК РКП (б), предостерегая от необдуманных действий: «...Обстановка такова, что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения её в Советскую мы не [должны], всё равно через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской... Нас беспокоят не лживые заявления Гегечкори, а твои и Смильги телеграммы о готовности занять Тифлис к 12 мая, что мы считаем абсолютно не совместимым с нашей политикой...»⁵.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 15. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 15. Д. 53. Л. 1-2.

⁵ Там же. Оп. 2/С. Д. 1. Л. 6-8.

Переговорщики без видимых трудностей пришли к согласию, и уже 7 мая в Москве был заключён мирный договор между РСФСР и Грузинской республикой [5, с. 1–6]. Помимо самого договора от 7 мая, было подписано ещё два соглашения — дополнительное [5, с. 7] и секретное [6, с. 153].

Подчеркнём, мирный договор с Советской Россией был важен Грузии не только для безопасности своих границ, но и для международного признания независимости республики. Именно на это нацелены первые две статьи мирного договора (№ 1 и 2): «Россия безоговорочно признаёт независимость и самостоятельность Грузинского Государства, отказывается добровольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Грузинскому народу и земле. ... Исходя из провозглашенных в предшествующей статье I настоящего договора принципов, Россия обязуется отказаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела Грузии» [5, с. 1]. Советская Россия признавала входящими в состав Грузинской республики «нижеследующие губернии и области бывшей Российской Империи: Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими означенные губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский» [5, с. 2].

В свою очередь Грузинская республика брала на себя определённые обязательства, касающиеся недопущения подготовки каких-либо операций против советской власти на своей территории, отказа от её превращения в базу для антисоветской деятельности. Грузия должна была также разоружить и интернировать все имевшиеся в её портах суда, которые потом передать советской стороне [5, с. 3]. Помимо этого, Грузия брала на себя обязательство способствовать выводу всех иностранных войск со своей территории. В данном случае советское руководство преследовало цель выдать грузинскими же руками англичан и турок из Батума. Поэтому Карахан, передавая текст договора в Баку, порекомендовал, что «пункт второй, третий и десятый статьи пятой публиковать пока не стоит, чтобы не вызвать предупредительных мер со стороны Англии и белогвардейцев»⁶. Карахан в телеграмме Орджоникидзе прямо заявил: «Предложение о пропуске войск в Батум, так же как и требование объявить соввласть в Грузии, ЦК отвергает. Нам выгоднее, чтобы англичане были изгнаны из Батума руками буржуазной Грузии, чем путём пропуска наших войск к Батуму, втянуться в войну с Англией»⁷. Этот портовый город имел огромное геополитическое и экономическое значение для Советской России — не только как собственно порт, но и как конечный пункт нефтепровода Баку — Батум.

Дополнительное соглашение, подписанное 12 мая в Москве, уточняло схему действий в отношении спорного Закатальского округа. Советская сторона официально брала на себя миротворческую функцию, занявшись разъединением сторон. Имея там свои части, она заставила противоборствующие стороны отказаться от введения в округ дополнительных военных контингентов [5, с. 7]. Фактически вопрос был решён в пользу Азербайджана, так как в округе уже находились части Красной армии, что делало притязания Грузии призрачными.

По секретному дополнительному соглашению, также подписанному 7 мая, предусматривалась легализация грузинской компартии [6, с. 153]. Это условие представлялось весьма неприятным для грузинского руководства в свете его контактов с Европой, поэтому оно было облечено в отдельный документ и засекречено. Оно имело принципиально важное, практическое значение для Советской России, лидеры которой рассматривали различные варианты развития отношений с Грузией и общей политики в регионе. Свободно действующая на всей территории республики компартия была бы важным инструментом влияния, разведки, давления, особенно для Кавбюро, проповедовавшего самую агрессивную линию в отношении соседей.

Таким образом, подписанные в Москве в мае 1920 г. документы можно расценить как оформление мирной передышки, а не как мирный договор. И последующее развитие событий это подтверждает. Об этом Орджоникидзе в те майские дни прямо заявил председателю Ревкома Терской области В. Е. Квиркелия, дабы пресечь волнения среди коммунистов на Северном Кавказе, жаждавших незамедлительного ввода Красной армии в Грузию: «Я не думаю, чтобы в будущем наше дело не восторжествовало, и склонен рассматривать факт перемирия как ленинскую передышку, необходимую для быстрой ликвидации польского фронта и для пресечения провокаций»⁸. Реальное же отношение большевистских лидеров к заключённому договору

⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 4. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Ф. 85. Оп. 15. Д. 3. Л. 4.

содержится в одной из телеграмм Карахана Орджоникидзе: «Грузия нужна нам как временный буфер. Будучи советской, она не смогла бы служить в этой роли ... Только получение ими нефти надо обставить так, чтобы мы их держали всегда в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан и, если это будет затягиваться, мы сможем закрыть нефть в нефтепроводе, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьёзным кнутом для них, так как они тоже получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд»⁹.

Подписанный в Москве договор вызвал протесты со стороны Армении и Азербайджана, имевших серьёзные территориальные споры с Грузией. Претензии азербайджанских властей, теперь советских, были поддержаны стоявшими за ними руководителями Кавбюро как ещё один предлог для операции по советизации Грузии. В телеграмме от 10 мая Орджоникидзе, Киров и Смирнов заверяли Ленина, что названный по договору грузинским Закатальский округ «является бесспорно азербайджанской и мусульманской территорией» и угрожали в случае поворота грузинским притязаниям азербайджано-грузинской войной¹⁰.

Нарком Чичерин был крайне недоволен действиями представителей Кавбюро, идущими вразрез с принятой в Москве политической линией в отношении Закавказья, и вынужден был отправить гневное письмо Орджоникидзе. Приведём его полностью: «Тов. Орджоникидзе. Наша политика есть мировая политика, а не ограничивается одним Кавказом. Во всех Ваших сообщениях Вы абсолютно игнорируете наши мировые интересы. Действиями, вытекающими из местных интересов, Вы можете страшно повредить нашим мировым отношениям. Относительно Англии мы не должны форсировать процесса, наш мир с Грузией будет иметь в Англии величайший эффект, затрудняя политику группы Черчилля, это повысит наш престиж во всём мире. Нам в данный момент полезен там заслон. Вы должны во что бы то ни стало удерживать товарищей от авантюры, могущих нам страшно повредить. Вопрос о тех или других ущельях отступает перед основными, мировыми, однако перечисленные Вами ущелья вовсе не отданы Грузии. Вы ошиблись. Границу определил Реввоенсовет по сношению с Кавфронтом. Здешние грузины подтверждают принадлежность Закатальского округа Грузии, однако вследствие Вашего протеста, мы надавили, чтобы грузинские войска туда не вступали. Во всех спорных вопросах окончательное решение будет в наших руках, но Вы со своей стороны облегчите нашу задачу, не допуская авантюры. 11 мая 1920 г. Чичерин»¹¹.

Поддержка Кавбюро РКП (б) азербайджанских претензий на ряд территорий, в первую очередь Карабах и Нахичеванский район (Нахичевань — Ордубад — Джульфа), привела к очередному обострению отношений с Арменией, что явно не входило в планы большевистских властей. Как раз в конце мая в Москве начались переговоры с представителями Армении, и деятельность Кавбюро вела только к осложнению дипломатического общения. В связи с этим 25 мая 1920 г. политбюро ЦК РКП (б) приняло решение «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск...»¹². О данном решении были проинформированы и «бакинские товарищи», однако Орджоникидзе в своих телеграммах по-прежнему яростно отстаивал азербайджанскую позицию. Так, в телеграмме от 19 июня на имя Чичерина он писал: «Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской советской республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев-мусульман ...»¹³.

Орджоникидзе не ограничивал себя эпистолярным жанром — одновременно он активно поддерживал деятельность повстанческих отрядов на армянской территории и в спорных районах. В частности, именно при поддержке Кавказского краевого комитета РКП (б) в мае 1920 г. в разных городах и населённых пунктах Армении — Эривани, Александрополе, Карсе, Саракамыше, Баязет-Казахе и др. — прошли антиправительственные выступления, организованные местными коммунистами. Последние попытались перевести все акции в общее восстание, и 10 мая ВРК Армении в Александрополе объявил Армению советской республикой. Однако правительство смогло за три дня подавить восстание и арестовать инициаторов. 23 мая по подобному сценарию (создание ВРК и объявление советской власти) началось восстание в Кара-

⁹ Там же. Д. 4. Л. 16.

¹⁰ Там же. Оп. 2/С. Д. 1. Л. 4.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 4. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 83. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 85. Оп. 13. Д. 32. Л. 3.

ван-Сарайском уезде, и вновь неудачно. В начале июня по приказу Орджоникидзе 11-я армия даже оказала военную помощь армянским повстанцам в Казахском уезде.

Все эти самостоятельные действия вызвали гневную телеграмму Чичерина от 19 июня: «По прямому проводу немедленно передать в Ростов-на-Дону для немедленной передачи в Баку под личную ответственность политконта в Ростове. Тов. Орджоникидзе. В Баку или Владикавказ послать вслед и вручить по местонахождению. Политика мира и компромисса с буржуазной Грузией, дашнакской Арменией и турецкими националистами продиктована ЦК партии по соображениям общей политики и должна неукоснительно проводиться. Удерживайте товарищей от действий, идущих с ней вразрез. Наши представители — Киров в Тифлисе и Легран в Эривани — будут её проводить, противодействовать мошенничествам правительств, ограждать коммунистов. Мы не должны вооружать осетин: наоборот, удерживать их, ограждая от репрессий. Если в Закатальском округе создан контрреволюционный центр, это противоречит договору. Киров его ликвидирует, но мы не должны туда вводить новых войск. Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа не должны присоединиться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под Российскими оккупационными властями с созданием местных советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику мира, требуемую общим положением»¹⁴.

Нарком иностранных дел, недовольный своеволием членов Кавбюро, инициировал обсуждение на заседании политбюро ЦК РКП(б) 22 июня вопроса «О политике на Кавказе». В личной записке, присланной по этому вопросу, Чичерин обрушился с критикой на действия представителей Кавбюро во главе с Орджоникидзе: «Недисциплинированность Бакинских т[оварищей] и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с Кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома, в качестве представителя в Баку. В то время как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путём вырывать там почву из-под ног Антанты и отверг советизацию Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении больше наших сил, Бакинские т[оварищи] своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, способствуют восстаниям, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами и присоединение которых к Азербайджану делает совершенно невозможным соглашение с Арменией. Вся эта боевая политика Бакинских т[оварищей] идёт коренным образом вразрез с линией, уже установленной ЦК». Нарком предложил прислать в Баку полномочного представителя, который бы стал курировать деятельность Кавбюро согласно принятым в Москве решениям: «Избежать срыва последней можно лишь в том случае, если авторитетный представитель центра будет систематически сдерживать местных т[оварищей]» [4, с. 134–135].

По итогам обсуждения данного вопроса политбюро ЦК РКП (б) решило «предложить Наркоминотдел [с]формулировать совершенно точно инструкцию ... наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов»¹⁵. Уже 7 июля «Инструкция Реввоенсовету Кавказского фронта», составленная НКВД, была обсуждена на заседании политбюро и утверждена¹⁶. В документе, в частности, говорилось: «Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции. Надо разъяснять тем элементам в этих республиках, которые стремятся к перевороту, что по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели... Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Шаруро и Даралагезского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты ... с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик, как и было уже постановлено российским правительством и передано советским властям на Кавказе...»¹⁷.

Вопрос об Орджоникидзе больше не поднимался, ему при помощи Сталина удалось сохранить свои позиции в неприкосновенности и отстоять значительную самостоятельность, и вско-

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 4. Л. 5.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 90. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 94. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 7–8.

ре он не преминул ею воспользоваться. Подчеркнём, что, в отличие от Азербайджана, советизация двух других республик лоббировалась именно группой Орджоникидзе. Наступательная линия его поведения поддерживалась Сталиным, правда, с некоторыми оговорками, и одновременно вызывала резкую критику и даже регулярные окрики из центра — «не зарываться» — от Ленина и Чичерина. Непростая обстановка на других направлениях (Польша, Крым), налаживание контактов с Европой — не позволяли заниматься Закавказьем в полную силу, чего не мог видеть и осознавать находившийся в Баку Орджоникидзе. Позиция ЦК РКП (б) представляется прагматичной — решать проблемы по очереди. И так как Грузия и Армения не являлись первоочередными проблемами, их «решение» отложили на более благоприятное время.

Несмотря на перечисленные разногласия, Орджоникидзе оставался востребованной фигурой для высшего советского руководства, в первую очередь Ленина, что основывалось на личном доверии, а также богатого опыта работы на местах и авторитета среди местных революционеров. Не будет большим преувеличением констатировать, что именно Орджоникидзе являлся главным организатором и исполнителем операций по советизации Закавказья, а также и их главным лоббистом, кровно заинтересованном в успехе. В период их подготовки и проведения он не чурался никаких методов: от истерических телеграмм в Москву, где краски сгущались до крайности, до провокаций на границах закавказских республик и внутри них.

Орджоникидзе являлся своего рода советским наместником на Кавказе, напрямую подчинявшимся Кремлю. Под его управлением шла деятельность коммунистических организаций Грузии и Армении, не говоря уже об Азербайджане, где находилась его штаб-квартира. В частности, под непосредственным контролем Орджоникидзе была вся диверсионно-пропагандистская деятельность закавказских коммунистов, им выделялись средства на подготовку антиправительственных выступлений сначала в Азербайджане, затем в Армении и Грузии.

31 июля на политбюро ЦК РКП (б) приняло решение о налаживании прямых контактов с турками именно через Армению, которую предполагалось советизировать первой, оставив Грузию на более позднее время. Орджоникидзе и другие члены Кавбюро сделали очередную попытку изменить решение «в пользу» Грузии. 3 августа из Баку была послана телеграмма в Кремль, где говорилось об ошибочности выбранного направления. Члены Кавбюро посчитали «своим долгом указать, что путь связи с Турцией должен быть установлен не через Армению, а через Грузию, которую желательнее советизировать по следующим соображениям: 1) советизация Грузии лишает базы терских и кубанских контрреволюционеров и помощи Грузии Врангеля; 2) связь с Турцией устанавливается каботажом по черноморскому побережью, недоступному для неприятельских судов; 3) отрезанная от Европы Армения, лишённая всякой помощи Англии и Америки, должна будет капитулировать и сдать власть армянским коммунистам, и этим самым открывается второй путь для Турции; 4) по заявлению Комфронта, по военно-стратегическим соображениям, Грузию легче завоевать, чем Армению. Забирая последнюю, части растягиваются, имея на фланге враждебную нам Грузию, со стороны которой не исключена возможность удара»¹⁸.

Одновременно в Москву шли и телеграммы с критикой позиции Кавбюро. В частности, член коллегии Наркомпрода М. И. Фрумкин в телеграмме на имя секретаря ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинского подчёркивал, что «при настоящих условиях постановление Кавбюро неосуществимо и вредно. Основная задача данного момента — быстро ликвидировать Врангеля и Кубанскую смуту как продолжение Врангелевского фронта. Всякая задача, отклоняющаяся от этой задачи, губительна. Мы рискуем расстроить хозяйственный фронт на Севкавказе, который должен работать без перебоев. Моя точка зрения вполне согласуется с Реввоенсоветом фронта»¹⁹.

Предложения с мест, возможно, были услышаны в Кремле, так как в ответе Крестинского, отправленном 11 августа и Фрумкину, и Кавбюро, оба адресата информировались о том, что «решение относительно Армении ЦЕКА приостановил до ликвидации Врангеля. Тоже относится и к Вашему предложению о Грузии»²⁰. Возобладал более взвешенный подход, сторонниками которого были Ленин и Чичерин. Последний за день до этой телеграммы доложил Ленину об успешном завершении переговоров в Эривани и заключении полпредом РСФСР в Армении Б. В. Леграном мирного договора с правительством этой закавказской республики.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 23. Л. 192-193.

¹⁹ Там же. Оп. 109. Д. 15. Л. 96.

²⁰ Там же. Л. 97.

* * *

Советизация Азербайджана и советско-турецкое сближение практически не оставляли шанса Армении, которая к середине 1920 г. оказалась во враждебном окружении. Сомнений в том, что Советская Россия предпримет активные шаги, не оставалось. Единственный вопрос — насколько скоро это произойдёт. Повод к началу такой операции дали сами армянские лидеры.

По условиям Севрского мирного договора, подписанного 10 августа 1920 г. союзниками с султанской Турцией, последняя обязывалась признать Армению как свободное и независимое государство. Вопрос об установлении линии армяно-турецкой границы передавался на третейское решение президента США Вудро Вильсона. Предполагалось, что граница пройдет по вилайетам Эрзурум, Трабзон, Ван и Битлис, в результате чего Армения получит выход к морю (по итогам арбитража Армения получала Ванский, Битлисский и большую часть Эрзурумского и Трабзонского вилайетов с городами Трабзон, Эрзинджан, Эрзурум, Муш, Ван и Битлис). Возглавляемое Мустафой Кемалем Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) не желало признать такие территориальные потери и сразу объявило Севрский договор «несуществующим».

Ни Великобритания, ни Франция, ни США не собирались заниматься реализацией условий Севрского договора в регионе, однако они были явно не против попытки Армении, которая тем самым оттянет на себя часть вооружённых сил Турции, воевавших тогда с греками. Армянское политическое руководство, несмотря на крайне нестабильную ситуацию и экономический кризис, получив небольшую материальную помощь и гарантии дальнейшей поддержки от стран Антанты, осенью 1920 г. решила на военное противостояние с турками. Это решение носило авантюрный характер. Признал это впоследствии и один из лидеров Армении О. Качазнун, написавший, «что мы не знали о действительной силе турок и были слишком уверены в нашей. В этом заключается наша основная ошибка. Мы не боялись войны, будучи уверены в победе» [7, с. 155].

Поводом для армяно-турецкой войны послужило продвижение армянских частей в Олтинском округе, что вызвало мгновенную ответную реакцию Анкары. Неготовность Армении к серьёзному военному столкновению выяснилась очень скоро: 24 сентября армянские части перешли в наступление, однако уже 29-го вынуждены были оставить Саракамыш, а вскоре Ардаган и Кагызман. Обещанной помощи и поддержки от союзников не последовало, и ситуация становилась катастрофической. Как справедливо отмечает современный исследователь А. М. Фомин, «каждая держава готова была использовать армян и Армению в своих целях, но и с наименьшими потерями и затратами. И поскольку цена эффективного вмешательства в армянские дела для любой из западных держав была слишком высока, армяне оказались брошены на произвол судьбы. «Армянские» статьи Севрского договора с самого начала были «воздушным замком». И исчезновение этого «замка» у творцов договора особых сожалений не вызвало [8, с. 222]. Через месяц после начала турецкого наступления, 30 октября, пал Карс, 7 ноября — Александрополь. Потрёпанные армянские части отошли на Караклис, Баш-Абаран и Эривань, вслед за ними быстрым темпом шли турки, занявшие 12 ноября станцию Агин на линии железной дороги Александрополь — Эривань. Возникла угроза потери столицы Армении, что поставило бы руководство республики на колени перед врагом, отступить дальше было некуда.

15 ноября правительство Армении обратилось к Кемалю с предложением начать мирные переговоры, 18-го было заключено перемирие на турецких условиях. Переговоры о мире начались в захваченном турками Александрополе 26 ноября, и уже 2 декабря был подписан мирный договор, сокративший территорию республики до минимума. За Арменией остались только районы Эривани и озера Гокча, тогда как районы Нахичевана, Шаруры и Шах-тахты закреплялись за Турцией. Армения обязывалась отменить воинскую повинность и ограничить численность армии — 1 500 штыков, 20 пулеметов и 8 легких орудий. В свою очередь Турция получала право на свободный транзит и контроль над её железнодорожной сетью, а также возможность ведения военных операций на армянской территории. Подобный договор означал конец самостоятельной политики Армении.

Однако ещё до подписания этого договора судьба Армении была решена. В 1920 г. большевистское руководство завязало тесные партнёрские отношения с новой турецкой властью в лице Мустафы Кемала. Турки, находившиеся в крайне тяжелом положении, были жизненно заинтересованы в материально-технической помощи Советской России. Свой интерес в союзе и сотрудничестве они продемонстрировали в период советизации Азербайджана. На таком

благожелательном фоне в июле 1920 г. специальная турецкая делегация прибыла в Москву для переговоров о союзе и помощи.

Делегация Анкары имела твёрдое намерение «подписать договор о дружбе и обеспечить помощь необходимыми нам деньгами и военными материалами». С конца июля по конец августа шли встречи и переговоры, позволившие к 24 августа 1920 г. завершить подготовку проекта договора, который был незамедлительно парафирован главами делегаций [9, с. 21]. Одновременно турки получили согласие со стороны советского руководства на выделение значительной военно-технической помощи. Последняя была обещана лишь в случае содействия процессу советизации Закавказья. Первую партию оружия подготовили в Москве и Ростове и отправили под наблюдением члена турецкой делегации Осман-бея. Кроме того, в течение лета 1920 г. через Орджоникидзе представителям Анкары передали 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн патронов, 17,6 тыс. снарядов [10, с. 675].

Советское руководство обещало Мустафе Кемалю и финансовую помощь в размере 5 млн золотых рублей. Член турецкой делегации Юсуф Кемаль-бей, вернувшись в сентябре в Турцию, смог захватить с собой первый «золотой» миллион. Помимо этого, тогда же в сентябре турки получили в Эрзеруме еще около 200 кг золота в слитках [10, с. 675].

Кемаль был заинтересован в появлении советско-турецкой линии соприкосновения, возможной лишь при советизации одной из двух независимых республик. Однако в Москве, несмотря на благоприятно складывавшуюся ситуацию, посматривали на турок с подозрением. Сталин в начале ноября писал Чичерину, что «если Александрополь будет взят», то «наиболее вероятной считаю комбинацию о максимальных требованиях ... во всяком случае придётся действовать по обстановке. Все зависит от того, какую позицию займут турки в связи с переговорами с Антантой» [4, с. 166]. В другом послании Ленину и Чичерину Сталин, писавший совместно с Орджоникидзе, отмечал, что абсолютно необходима «немедленная отправка в Турцию к Кемалю полномочных лиц с целью рекогносцировки и информирования Москвы в срочном порядке» [4, с. 167]. Через несколько дней Москва в ответ на просьбу Эривани о посредничестве в переговорах с Турцией отправила в район боевых действий Б. Мдивани, что представлялось многим недостаточным для контроля над ситуацией. Сталин, сомневаясь в соблюдении Кемалем договорённостей, в телеграмме Ленину от 15 ноября замечал: «Возможно, что с Арменией уже опоздали, то есть её скупает Кемаль раньше, чем мы подоспеем...» [4, с. 167].

Этот шантаж не повлиял на позицию Ленина. 27 ноября по его инициативе было принято постановление политбюро ЦК РКП (б) о примирительной политике в отношении Армении и Грузии. В такой ситуации Сталин фактически подтолкнул Орджоникидзе к активным действиям. Именно последний взял на себя инициативу силовой советизации Армении. Возглавляемое им Кавбюро приказало ЦК компартии Армении начать вооружённое восстание и сформировать республиканский Ревком. В состав последнего вошли А. Нуридзян, А. Бекзадян, И. Довлатян, А. Мравян, С. Тер-Габриэлян и С. Касьян в качестве председателя. Одновременно в северные районы Армении был направлен «армянский» полк, сформированный из частей 11-й армии. Именно эти силы подняли 29 ноября восстание в северных районах республики — Делижанском и Каравансаравском. Были заняты районные центры — Делижан и Караван-Сарай, в котором Ревкомом была провозглашена советская власть в республике.

Орджоникидзе в тот же день телеграфировал Лигану и Мдивани о необходимости активизировать переговоры с группой дашнаков, согласных на советизацию страны в случае включения их в Ревком²¹. В тот же день в разговоре с членом РВС Кавказского фронта Трифоновым Орджоникидзе сообщил о продвижении «армянского» полка и просил учесть, что в официальных сводках информации о полке не будет, закончив разговор на весьма оптимистической ноте: «Турки настаивают на вводе наших войск в Армению для утверждения Советской власти, считая это гарантией своего тыла ... Положение становится совершенно ясным, нерискованным...»²². В подобном ключе была выдержана и телеграмма Ленину и Сталину (от того же числа): «Постановление Цека только что получил. Армянский Ревком, отправленный в район Казах для подготовительной работы, получив массу приговоров от крестьян района Караван Сарай, Дилижан с указанием, что власти нет, армия разбежалась, с просьбой прийти, ночью самостоятельно перешел границу и продолжает движение в Делижан, где, вероятно, будет провозглашена советская Армения. В связи [с] решением ЦК, не

²¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 37. Л. 1-2.

²² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 37. Л. 1-2.

знаю, как быть, боюсь, что уже декларировали Советскую власть. Думаю, что всё пройдёт без особых затруднений»²³.

Из района Казах на территорию Армении вступили части 11-й Красной армии, которые быстро стали продвигаться в сторону Эривани. Правительство С. Врацяна фактически отказалось от власти, подав в отставку, и власть в столице Армянской республики перешла в руки левых дашнаков во главе с генералом Дро, который выразил готовность объявить в Армении советскую власть при условии вхождении левых дашнаков в состав нового правительства. Достаточно быстро была достигнута договорённость о введении в состав Армянского ревкома двух левых дашнаков в лице самого Дро и Тертеньяна, и 2 декабря была объявлена советская власть, которая до прихода Ревкома сохранялась в руках генерала Дро. Уже 4 декабря в Эривани появился авангард 11-й Красной армии вместе с Ревкомом, который взял власть в свои руки. Армения стала советской. За генералом Дро было сохранено лишь командование армянскими частями, до конца 1920 г. С приходом большевиков мгновенно затихли все территориальные споры между Арменией и Азербайджаном. Последний в лице Наримана Нариманова торжественно объявил, что «отныне Зангезур и Нахичевань являются неотъемлемой частью Советской Армении. Армянам Нагорного Карабаха представляется право самоопределиваться»²⁴. До полной советизации Закавказья оставался один шаг...

Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze

Vadim Mukhanov, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO; Lead researcher,
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (RAS).

76 Vernadskogo Ave., 119454, Moscow. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Summary. *The article discusses the situation in the Caucasus that established by the summer of 1920, after the successful and rapid sovietization of Azerbaijan, as well as the actions of the Caucasus Bureau of the party, headed by Sergo Ordzhonikidze. Another focus of the article is the decision-making process in Moscow on the sovietization of Armenia and the relevant contacts with the new Turkish government of Mustafa Kemal. The article highlights the differences that existed within the Soviet leadership on the question of choosing the political line in relations with Armenia, and analyzes the position and actions of S. Ordzhonikidze, head of the Caucasian Bureau, who played a key role in the sovietization of the entire Transcaucasus region.*

Keywords: Armenia, Soviet Russia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Ordzhonikidze, Stalin.

Литература / References

1. Волхонский М. А., Муханов В. М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. — М., 2007 [Volhonskij M. A., Muhanov V. M. Po sledam Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoy Respubliki. — М., 2007; Volhonsky M. A., Mukhanov V. M. In the footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic. — М., 2007].
2. Муханов В. М. К истории советизации Закавказья (1920—1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40) / Под ред. В. В. Дегоева. — М., 2014 [Muhanov V. M. K istorii sovetizacii Zakavkaz'ja (1920—1921 gg.) // Kavkazskij sbornik. T. 8 (40) / Pod red. V. V. Degoeva. — М., 2014; Mukhanov V. M. To the history of Sovietization of the Caucasus (1920—1921) // Caucasian collection. Vol. 8 (40) / ed. by V. V. Degoev. — М., 2014].
3. Жордания Н. Моя жизнь. — Стэнфорд, 1968 [Zhordaniya N. Moja zhizn'. — Stenford, 1968; Jordania N. My life. — Stanford, 1968].
4. Большевицкое руководство. Переписка 1921—1927. Сборник документов. — М., 1996 [Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska 1921—1927. Sbornik dokumentov. — М., 1996; The Bolshevik leadership. Correspondence 1921—1927. A collection of documents. — М., 1996].

²³ Там же. Д. 33. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 1-2.

5. Мирный договор между Россией и Грузией. — М., 1920 [Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Gruziej. — М., 1920; The Peace agreement between Russia and Georgia. — М., 1920].
6. Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы. — Тифлис, 1931 [Dni gospodstva men'shevikov v Gruzii. Dokumenty i materialy. — Tiflis, 1931; The days of domination of the Mensheviks in Georgia. Documents and materials. — Tiflis, 1931].
7. Чохели А. И. Политика Франции в отношении Грузии в 1917–1921 гг. — Тбилиси, 1980 [Choheli A. I. Politika Francii v otnoshenii Gruzii v 1917–1921 gg. — Tbilisi, 1980; Chocheli A. I. French Policy towards Georgia in 1917–1921. — Tbilisi, 1980].
8. Фомин А. Армянский вопрос и дипломатия великих держав в 1918–1921 гг. // Кавказский сборник. Т. 5 (37) / Под ред. В. В. Дегоева. — М., 2008 [Fomin A. Armjanskij vopros i diplomatija velikih derzhav v 1918–1921 gg. // Kavkazskij sbornik. T. 5 (37) / Pod red. V. V. Degoeva. — М., 2008; Fomin A. The Armenian question and the diplomacy of the Great powers in 1918–1921 // Caucasian collection. Vol. 5 (37) / ed. by V. V. Degoev. — М., 2008].
9. Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. — М., 1961 [Kuznecova S. I. Ustanovlenie sovetsko-tureckih otnoshenij. — М., 1961; Kuznetsov S. I. The establishment of the Soviet-Turkish relations. — М., 1961].
10. Документы внешней политики СССР. Т. 3. — М., 1959 [Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 3. — М., 1959; Documents of Soviet foreign policy. Vol. 3. — М., 1959].